

Новая Польша 12/2013

0: УМЕРЛА НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Печальное известие о смерти Натальи Горбаневской потрясло всех, кто восхищался жизнью этой выдающейся женщины. Она была одной из самых видных диссиденток. В 1968 г. она приняла участие в малочисленной, но очень важной демонстрации на Красной площади, чтобы выразить протест против вторжения войск Варшавского договора во главе с Советской армией в Чехословакию; чехи и словаки боролись за человеческое лицо системы, господствовавшей на подвластных Кремлю землях.

Горбаневская была замечательной поэтессой. Теперь ее стихи, опубликованные после смерти Ежи Гедройца в последнем номере «Культуры», можно отнести к ней самой.

Она была голосом свободной России и порабощенной в то время Польши. А в освободившейся Речи Посполитой, чьей гражданкой она стала, ее наградили медалью Благодарности Европейского центра солидарности. Горбаневская была почетным доктором люблинского Университета им. Марии Кюри-Склодовской, многолетней сотрудницей и членом редакции «Новой Польши» — органа взаимопонимания польской и российской интеллигенции.

Она великолепно переводила произведения польских писателей — от Генрика Сенкевича до Чеслава Милоша, — ценя при этом всех, кроме московских и варшавских националистов. Ей принадлежат лучшие переводы важнейших голосов наших современников. Помимо всего этого она была председателем жюри Литературной премии Центральной Европы «Ангелус».

Наталья Горбаневская скончалась внезапно, и никто не в состоянии выразить скорбь польской и российской интеллигенции, чье будущее во многом обеспечили сила духа и творчество этой женщины.

Память о ее делах и свидетельство ее жизни навсегда останутся в наших сердцах.

Ежи Помяновский

1: ПЛОЩАДЬ НЕСОГЛАСИЯ

1.

Эти ранние вставанья,
пока заперты кафе,
и со снами расставанья,
как от жизни отставанье,
отстаешь от жизни прошлой
с пол-оторванной подошвой,
с недорезанной ладошкой,
в сукровице и крове.

2.

Пока по этой площади искать
туристский порт, автобусную пристань,
собою быть возможно перестать

на радость футуристам.

Когда согласия нету ни в друзьях,
ни в недругах и ни в застолье пьяном,
себя возможно из себя изъять
на радость бюджетлянам.

3.

Мы куда-нибудь приедем,
мы куда-нибудь придем,
не к медведям, то к соседям,
не к соседям, то к себе.

Мы куда-нибудь прибудем,
перебудем, переждем,
не проснемся, так разбудим,
заиграем на трубе.

4.

А кто это с укором
как будто прокричал:
«Оставь свое игранье
и свой покинь причал».

А это просто ворон,
по польской кличке «крук»,
зовет меня за грани
и за Полярный круг.

5.

Где ж она, эта разница
между правдой и вымыслом,
между слезами и хохотом,
между явью и сном?

Взгрустнет ли кто-то, возрадуется,
слезами ли, кровью вымоется,
захаает или заохает
за стенкой ли, за окном...

6.

Войдите, не выйдите,
сделайте шаг.

Вкусите и видите,
как Господь благ.

И не он сотворил ГУЛАГ,
а XX век
и человек,
а значит, и я и ты.

7.

В ту же реку, в ту же Сену,
в ту же Вислу и Неву,
в те же сени-мои-сени
не во сне, а наяву
я ступаю и ступаю
Гераклиту вопреки,
но, реки не перейдя,
отступаю, отступаю...

8.

Ну давайте, ребята, не будем
сладкий сон навевать на веки.
Это сделали люди людям,
людям люди, зри: человеки.
Это сделали немцы евреям,
это сделали русские русским.
Отчего ж до сих пор не умеем
прошептать: это ты и я.

9.

Когда на площадь гонит стыд,
а не желанье славы,
в глазах миражем не стоит
величие державы,

и не томит, как сталактит
московского разлива,
разбушевавшийся синклит
родного коллектива.

10.

От тех дальневосточных азиатов,
их щелкающих фотоаппаратов,
да тоже и от этих наших русских,
их глаз прищуренных, таких же узких, —
если до горизонта страна Турстан
и некуда убегать,
уведи меня хоть в какой-то стан,
хоть за что-нибудь погибать.

11.

Тех, кому говорила «Свет мой», —
половины нету в живых.
С кем делилась тайной заветной —
превратились в полову и жмых
или пепел и прах как принято
говорить, когда сердце вынуто
у оставшихся, осиротелых,
одиноких в земных пределах.

12.

Там, где птицы едят из рук,
и вороны, и вороны тоже,
где цветут и укроп, и урюк,
где и вправду на розы похожи
наши рожи, где отзвук и звук
одновременны и на крюк
мы повесим кули и рогожи,
— там и встретимся...

13.

На двенадцатом французском этаже
в окна смотрит небо, солнце, но не лес,
хлорофилла впечатлительной душе
не хватает: высоко залез беглец.
Уведи меня куда-нибудь туда,
где звезда краснеет только от стыда,
где забвение стоячею водой
не сомкнется над вчерашнею бедой.

2: ДОРОГАЯ НАТАША...

Дорогая Наташа,

ты была великолепным редактором, пусть и не раз нам приходилось спорить друг с другом. Иногда из-за пустяков. Иногда на более принципиальные темы.

Мы никогда ничего не забудем. К примеру, часто попадавшуюся в электронных письмах формулировку: «Сколько раз я уже говорила, что...». Или что фамилию Херлинга-Грудзинского нужно на самом деле писать через «Г»: Герлинг-Грудзинский. Или что «этого переводчика нельзя подпускать к текстам на пушечный выстрел». Или замечание об авторе, пытающемся одновременно писать по-польски и по-русски — мол, это «человек совершенно безъязыкий».

Поэзия. Когда-то у тебя спросили, как тебя лучше называть — «поэтом» или «поэтессой», и ты ответила, что тебе больше подходит польское слово «поэтка». Ты жила, как и подобает поэту, рассеянно, махнув рукой на условности и комфорт, вечно в дороге, с рюкзаком за плечами. Писала стихи урывками, всегда вовремя отправляя отредактированные чужие переводы для очередного номера «Новой Польши», дома или в гостинице вставляя в тексты «переносы». А еще успевала читать современную поэзию, вести ЖЖ, работать в составе жюри литературных премий и учить молодых переводчиков. И при этом пристально следить за общественно-политической жизнью — как в те времена, когда ты редактировала «Хронику текущих событий».

Поэзия была для тебя самым важным делом. Делом жизни и смерти, а также любви. Любовь ко многим поэтам ты пронесла через всю жизнь. Ты была верна Ахматовой, но когда Иосиф Бродский значительно выше поставил Цветаеву, лишь спросила его: «Это всерьез?». Он ответил утвердительно, и ты больше никогда не возвращалась с ним к этому разговору.

Польша. Да, Польша была твоей страстью. Но прежде всего твоей страстью была свобода. Наша и ваша. То есть — свобода чехов, словаков, литовцев, украинцев. Свобода, и ничто другое. Когда мы уже во второй раз встретились в Париже в 1987 году, ты сказала мне, чтобы я немедленно сходил в кино и посмотрел фильм Джима Джармуша «Вне закона» — красивую историю о побеге из тюрьмы.

Ты интересовалась политикой и принимала ее близко к сердцу, поскольку это касалось живых конкретных людей. Часто эта самая политика делила их на воюющие стороны. Как-то в Варшаве, на вечере в твою честь, все о тебе вдруг на какое-то время забыли, поскольку началась яростная политическая дискуссия, грозящая перейти в ссору. А ты сидела в кресле, улыбалась и вдруг сказала: «Как же я вас всех люблю, хорошо, что я глухая и не слышу, что вы сейчас тут друг другу говорите».

Протест. Август 68-го. Тебя постоянно об этом расспрашивали, ты терпеливо отвечала. Как и положено участнику и свидетелю, но без пафоса и гордыни. Да, мол, это было важно, но вот было и прошло. Куда важнее — ненаписанные еще стихи и редакторские обязанности. И, конечно же, сама жизнь. Ну, и еще чтобы не заканчивались сигареты.

Я не знаю, что напишут на твоём памятнике. Не так давно ты пошутила — пусть, дескать, напишут: «Она отменно варила суп».

Впрочем, от кулинарии так легко сразу перейти к вопросам высшего порядка. Да примет тебя милосердный Господь в Свое Царство. Там тоже наверняка что-то нужно будет отредактировать.

Петр Мицнер

3: К ИСТОРИЧЕСКИМ КОРНЯМ

К началу «перестройки» относится завершение формирования у меня сильнейшей тяги к своим историческим корням. Родители моего деда Георгия Пятковского были беженцами Первой Мировой войны из Восточной Польши (из Западной Белоруссии), осевшими в Можайске, где в 1917 г. мой дед и родился. И в попытке найти хоть какую-нибудь отдушину в затхлой атмосфере застойного времени я потянулся к своим корням, связанным с Польшей.

Интерес к этой стране, ее людям, истории, языку и культуре формировался у меня постепенно и под влиянием многих факторов. Началось всё с того, что году, наверное, в 70-71 м мама выписывала мне выходивший на русском языке польский журнал «Горизонты техники для детей». Среди прочего в нем была рубрика, как это теперь бы назвали, международных знакомств. Однажды я решил воспользоваться ею и написал письмо одному польскому мальчику, который больше всего подошел мне по своей «анкете». На письмо я наклеил марку за четыре копейки (какие использовались для отправления корреспонденции только внутри страны) и бросил его в почтовый ящик. Не удивительно, что ответа я не получил.

В начале 70-х мой сосед и одноклассник выписывал польский журнал «Малый модельаж», где публиковались чертежи моделей различной боевой техники, к которой у меня тогда имелся повышенный интерес. По его примеру в 73-м году я выписал журнал «Молодой техник», где больше места было посвящено истории военной и всякой прочей техники, что меня интересовало куда сильнее, чем моделирование. К моему огромному огорчению, журнал этот оказался на польском языке. Делать нечего: пришлось читать его по-польски, угадывая значение каких-то слов и запоминая их в той неправильной версии, которая была мне доступна в силу незнания польской фонетики. Именно с тех пор знаю я слова: *silnik, zuzycie paliwa, okręt, predkosc, ziemniaki...*

В середине 70-х состоялось мое знакомство с польскими журналами «Фильм» и «Кино», где печатались на редкость откровенные для того времени фотографии (которые я с удовольствием рассматривал у наших друзей-вулканологов на Камчатке), и с самим польским кино (имеется в виду серьезная его часть, очень высоко ценившаяся передовой советской интеллигенцией). Конечно, в детстве мне пришлось увидеть немало польских картин («Бич божий», «Четыре танкиста и собака», «Ставка больше чем жизнь», «Пан Самоходик и тамплиеры», «Приключения канонира Доласа» и пр.), но в то время никаких сантиментов национального толка они у меня не вызывали.

Между прочим, именно с польским кино связана та единственная публичная протестная акция, свидетелем которой я стал в застойные годы. Однажды в начале 80 х в Кинотеатре повторного фильма (что у Никитских ворот) я смотрел фильм Анджея Вайды «Пепел», в котором имеется следующая сцена: наполеоновские войска, осуществляя карательную акцию в испанском городе, стройными рядами продвигаются по узким улочкам, сметая на своем пути сопротивление плохо вооруженных повстанцев. Во время показа этой сцены из темноты кинозала прозвучал выкрик-ремарка: «Советские войска в Афганистане!»

Еще в школе моя оппозиционность коммунистическому режиму нашла свое внешнее выражение в том, что я прикрепил к лацкану форменного пиджака маленькую радиодетальку, называемую «сопротивление», узнав из «радиоголосов» о том, что таким образом в Польше во время военного положения обозначали свое сопротивление режиму. (Носил я этот «значок» и позже — наверное, до конца «перестройки».) И еще в середине 70-х я стал обращать внимание на встречавшихся мне носителей польских фамилий, ощущая с ними какую-то подспудную общность.

Важной вехой в моем знакомстве с польской культурой стала покупка в 1978 г. советской пластинки с записями Эвы Демарчик, на которой песни на стихи польских поэтов звучали по-русски, а русских — в переводе на польский. Одна вещь — «Имя твое» на стихи Марины Цветаевой — произвела на меня столь сильное впечатление, что я взялся на слух записывать ее текст фонетически, то есть русскими буквами. (О том, чтобы достать сборник стихов Цветаевой с оригиналом этого стихотворения, тогда можно было и не мечтать.)

Значимой вехой стало и прослушивание передач 3-й программы Польского радио, которое я начал в 1978 году. По этой программе передавали хорошую музыку (например, не звучавший в СССР совершенно потрясающий цикл зонгов Микаэла Таривердиева к спектаклю «Прощай, оружие»), новости из различных сфер жизни,

развлекательные передачи, чтение художественных произведений, в том числе и русских («Мастер и Маргарита», «Отцы и дети»). Было интересно слушать неизвестную мне речь и угадывать значение каких-то слов. Этими своими веселыми открытиями я делился с приятелями, воспроизводя им запомнившиеся мне наборы слов типа фамилии радиоведущего (Марек Гашинский) или ежедневно повторяемого названия рубрики («Nasz rok siedemdziesiąty ósmy», «Powtorka z rozrywki»). Вещание этой радиостанции прекратилось после введения военного положения.

В том же 1978 г. кто-то из моей семьи присутствовал на большом концерте по случаю открытия Дней польской культуры в СССР, буклет с программой которого я однажды вдруг взялся разглядывать. Содержащийся там текст о польских авторах и исполнителях (в первую очередь, Кшиштофе Пендерецком и Чеславе Немене) настолько увлек меня, что я страстно захотел познакомиться с их творчеством.

В связи с этим вспоминается такой анекдот... В музыкальном магазине около метро «Академическая» я увидел набор пластинок современной польской классической музыки и попросил продавщицу показать мне эту коробку. Та в ответ не сдвинулась с места. Я повторил свою просьбу, но ее реакция была совершенно такой же. Когда я обратился к ней в третий раз, она вымолвила: «Пендерецкого там нет». А увидев мое обалдевшее лицо, добавила: «Вы ведь это хотели посмотреть?» Видимо, все московские меломаны в те годы искали одно и то же.

А с творчеством Немена мне удалось познакомиться благодаря следующим обстоятельствам... В августе 1980 г. у нас гостила мамина подруга Галина Треумова, журналистка с Камчатки, после путча 1991 г. ставшая даже главредом областной газеты «Камчатская правда». Ее пребыванием в Москве решил воспользоваться для встречи с ней ее, скажем так, друг — журналист гданьского телевидения Яцек Мах, с которым она познакомилась на курорте в Румынии. В середине августа он прилетел в Москву по дороге домой со съемок на Шпицбергене, и я предоставил им свою квартиру для любовных свиданий.

Помню, что когда Яцек прибыл ко мне, то я выложил ему две «самых важных» новости: поляк Яцек Вшола стал олимпийским чемпионом по прыжкам в высоту, а в Гданьске началась забастовка рабочих судоверфи. Помнится, что ни то, ни другое известие не привлекло его внимания. Видимо, его мысли тогда были заняты другим. Но через год наш Яцек вел на всю Польшу прямой телерепортаж об установке в Гданьске памятника расстрелянным коммунистами рабочим Балтийского побережья — «Три креста».

Я попросил Яцека привезти мне в его следующий визит в Москву пластинку Чеслава Немена, что он и выполнил в феврале 81 го, когда опять остановился в моей квартире. Диск этот называется «Постскриптум». По моей просьбе привез он мне, по своему выбору, и книгу польской поэзии (ею оказался «Пан Тадеуш»), а также настенную карту административно-территориального деления ПНР.

К Яцеку я сильно привязался и пытался потом ему писать, однако после введения в Польше военного положения переписка наша прервалась. Разыскать его мне удалось только в 1998 г., когда я впервые добрался до Гданьска.

В первой половине 80-х у знакомого спекулянта мне удалось купить и двойной альбом Немена, который так и назывался — «Niemen». Некоторые вещи с него потрясли меня еще больше, чем предыдущая пластинка этого автора и исполнителя.

Когда в 1980 г. я работал на телевизионном заводе «Рубин», то с каким-то особым чувством наблюдал за польскими ТИРа́ми, привозившими на наше предприятие, кажется, корпуса для телевизоров. С любопытной реакцией на польские забастовки 1980-1981 гг. я столкнулся через год, когда работал на другом радиоэлектронном производстве. Стоявший впереди меня в очереди в столовой мужчина (по виду — инженер) следующим образом объяснил своему собеседнику причину возникновения этих забастовок: «Поляки просто не хотят работать».

Вообще же создание «Солидарности» было восторженно встречено инакомыслящими в СССР, показав вдохновляющий пример смелости борьбы рабочих и интеллигенции. Еще в 80-е годы благодаря западным «голосам» я хорошо знал имена таких деятелей польской оппозиции, как философ Лешек Колаковский или представители «Солидарности» Лех Валенса, Рышард Бугай, Збигнев Буяк, Анджей Гвезда, Яцек Куронь, Богдан Лис, Адам Михник, Кароль Модзелевский, Владислав Фрасынюк...

Особое впечатление на меня произвела деятельность 21-летнего Анджея Колодзея, про которого узнал из показанного по ТВ разоблачительного фильма. Будучи всего на год старше меня, он нелегально перешел польско-чешскую границу с целью установить отношения с оппозиционерами в ЧССР, где и был арестован. При этом держался он перед кинокамерой очень достойно.

В 1981 г. в турпоездку в Польшу удалось попасть нашему товарищу по околобогемному кружку молодых интеллигентов Наташе Шипицовой, которая из любопытства побывала там даже на стриптизе (что стоило больших денег — 25 рублей). Мы заинтересованно расспрашивали ее о Польше, за которой к тому времени уже закрепилась слава самого веселого барака соцлагеря, а я при этом символично курил оставленные Яцеком польские сигареты «Кармен». (Кстати, попросил я его оставить мне на память и другие сигареты — «Спорты» и «Клубове», а также польские спички. Все это я храню до сих пор.)

Введение военного положения я встретил со злорадством, считая, что оно означает начало конца коммунистического режима в Польше. По этому случаю я даже разыграл «поминки по коммунизму».

Если я не ошибаюсь, то именно в тот же день, 13 декабря 1981 г., я срочно пригласил к себе домой самых близких тогда моих друзей — брата Сергея, его тогдашнюю подругу и коллегу по филфаку Лену Войналович и, кажется, ближайшую подругу последней Миладу Кармазинскую, тоже учившуюся на филфаке, но только на вечернем отделении. Помнится, я встретил их в своем самом строгом костюме и с траурной повязкой на рукаве, которую перед этим наспех смастерил из кусков черной и красной ткани. Я попросил их стоя выслушать польский гимн, а потом поставил Шопена — разумеется, траурный марш. Мои гости не были готовы к участию в такой странной церемонии, были несколько сбиты с толку и смущены, из-за чего ее пришлось досрочно свернуть и перейти к обычному дружескому застолью.

Помню, что в середине 80-х я любил слушать передачи польской редакции Международного французского радио. Особенно запомнилась мне одна, прошедшая не позже лета 85 го и посвященная творчеству Жака Бреля. Благодаря ей я смог идентифицировать слышанные мною ранее некоторые песни Бреля, который с тех пор стал моим самым любимым западным шансонье.

Около того же времени я посетил в Манеже выставку польских художников, и выставленные на ней полотна произвели на меня очень хорошее впечатление. Используемый польскими художниками изобразительный язык оказался мне очень близок и заметно отличался от набившего оскомину соцреализма. Явно в расчете на продолжение знакомства с польской живописью я стал фиксировать в находившейся со мной карманной телефонной книжке №2 (которую использовал сначала в середине, а потом в самом конце 80-х годов) имена художников и названия их работ и выставять каждой оценку. Так вот, только одной из них я поставил «4—». Возможно, что именно к посещению этой выставки относится соседняя с оценками запись: 11 июня 1984 г. с 16 до 19.30.

Наверное, в 1986 г. я посетил на ВДНХ Московскую международную книжную ярмарку, на которой мой особый интерес к себе привлек изданный в том же году в Польше томик стихов Циприана Норвида. Я настолько балдел от песен Немена на стихи Норвида, что взялся прямо там, у польского стенда, переписывать от руки мое любимое стихотворение «Марионетки». (Уже в 90-е годы я пытался перевести его на русский язык и даже заставил своего друга — замечательного популяризатора польской литературы Андрея Базилевского — сделать мне подстрочник, однако с этой сложной задачей я не справился.)

Всё описанное выше привело меня к тому, что к середине 80-х я сформировался как законченный полонофил, и мое полонофильство стало с тех пор оказывать заметное влияние на образ моей жизни.

Очень кстати представляется мне в связи с этим процитировать здесь воспоминания Даниэля Ольбрыхского о Владими́ре Высоцком:

«Володя очень любил Польшу. Больше чем любил. В его любви к Польше было что-то от глубокого восхищения, изумления. Я знаю точно, это была не просто вежливость. Поклонникам Высоцкого известна анкета, которую он заполнил еще весьма молодым человеком. На вопрос, какую страну он любит более всего — разумеется, после России, любимой отчизны, — он без колебаний ответил: Польшу».

В 2005 году журналист Андрей Липский (ставший впоследствии моим добрым знакомым) написал в «Новой газете»:

«Польша для советского интеллигента-западника 60-70-х была форточкой в Европу. Вроде бы и строй тот же, да не совсем. Здесь всё вольтерьянство в политических анекдотах на кухнях, а там — политические кабаре. Здесь борьба с «абстракционистами», а там — журнал «Проект», в котором весь современный художественный авангард Европы. Здесь Лапин велит на ТВ стерильным отечественным ВИА стричь перед эфиром волосы, дабы не быть похожими на чуждо-опасную «бидлу», а там от этой вполне волосатой рок-«бидлы» тесно и в эфире, и на концертных площадках, и в молодежных клубах (о которых, кстати, в те времена в наших палестинах и мечтать никому в голову не приходило). А польская мода, польское кино, а философ Лешек Колаковский, а Сартр, Пруст,

Кастанеда в польских переводах в магазине «Дружба», что на улице Горького, а польский джаз с блистательным Намысловским и царство музыкальной свободы — международный фестиваль «Джаз-Джэмбори» в Варшаве? Когда же «Солидарность» там и перестройка здесь стали размывать циклопическую кладку большого социалистического дома, Польша и вовсе превратилась в магическое зеркало».

В итоге осенью 1986 г. я поступил на курсы польского языка. Украинский публицист Богдан Осадчук позже отмечал:

«Для Украины Польша (...) сыграла необычайно важную роль. Она была и остается школой интеллектуального сопротивления, свободы мысли, мировоззренческого плюрализма. Неслучайно молодые, да и пожилые украинцы в период «Солидарности» начали стихийно учить польский».

Меня хватило, правда, только на две недели регулярных занятий. Во-первых, мне как заядлому болельщику было трудно лишать себя самого святого на свете — просмотра хоккейных и футбольных матчей с участием моего любимого клуба и сборной СССР. Проблему составляло и то, что мне приходилось три раза в неделю ездить после работы на Вятскую улицу (что в районе Савеловского вокзала) и потом в четверть одиннадцатого вечера возвращаться домой. Дело это было непростое, потому что станция метро «Савеловская» тогда еще не была построена и мне приходилось добираться до курсов на автобусе от «Белорусской». Кроме того, по финансовым причинам я не мог себе позволить обедать днем и поэтому делал это только по возвращении с работы.

Словом, после двух недель занятий на курсах я решил, что фонетику польского языка я уже освоил, а знакомиться с грамматикой смогу и дома, самостоятельно. Так и получилось.

Я раздобыл четыре разных учебника польского языка с прилагаемыми пластинками (позже к ним присоединился пятый) и с переменным успехом занимаюсь с их помощью вот уже более четверти века — рекорд, достойный Книги Гиннеса! В ответ на удивленные замечания узнающих об этом моих знакомых я со ссылкой на авторитет Э.Бернштейна («Движение — всё, цель — ничто») говорю, что в таком приятном деле, как изучение польского языка, для меня важнее сам этот процесс, а не его результат.

Кроме собственно изучения языка процесс этот включал и заучивание польских стихов, чем я начал заниматься еще в 80-е годы. Источником моих знаний стал букинистический магазин иностранной литературы на ул. Качалова (Малая Никитская), где я покупал польские учебники и книги стихов. Среди последних особую мою любовь приобрели книжки детских стихов Яна Бжехвы (впервые с его творчеством я познакомился еще благодаря передачам 3-й программы Польского радио), которые как раз соответствовали моему если и не общему уровню развития, то точно что уровню понимания языка.

О том, как вдохновляли и придавали мне сил песни Яцека Качмарского в решающую ночь коммунистического путча 20 августа 1991 года, я рассказываю в другой главе этой книги. Здесь же отмечу, что его программа «Крик» была на протяжении целых трех лет единственной известной мне. Лишь около середины 90-х годов несколько его кассет дала мне переписать моя добрая знакомая — тогдашний замдиректора Польского культурного центра в Москве Наталья Ворошильская. Когда примерно с этого же времени я стал регулярно ездить в Польшу, то составил себе полную коллекцию записей как Качмарского, так и его совершенно потрясающего коллеги по уникальному бардовскому трио Пшемислава Гинтровского. Позже я познакомился (и записал воспоминания об истории этого трио) с третьим его участником — композитором и замечательным пианистом Збигневом Лапинским, а также с их первым продюсером Яцеком Петровским. Записи интервью с ними лежат в моем архиве и ждут своего часа.

Посчастливилось мне побывать и на одном концерте Качмарского, состоявшемся в польском посольстве в Москве в октябре 1994 года. Перед его началом мне повезло покурить вместе со своим кумиром и выпросить у него на память сигарету, которую он даже ухитрился мне надписать!

Я никогда не ограничивался одним только знакомством с польской культурой, но пытался внести свой скромный вклад и в ее популяризацию. Так, в 1993 г. Андрей Базилевский предложил мне принять участие в конкурсе дебютного перевода, и я попробовал перевести несколько стихотворений Яна Твардовского и Яна Рыбовича.

Но больше я с переводами не экспериментировал, зато отметил в библиографии киноведения. Так, в мае 1993 г. для газеты «Ступени» я сделал с Анджеем Вайдой интервью после московской премьеры потрясшего меня фильма «Перстень с орлом в короне», а в 1996 г. в «Белорусской газете» опубликовал рецензию на новый фильм «Галоп» моего любимого зарубежного режиссера Кшиштофа Занусси, первое мое общение с которым состоялось еще в 1988 г. и с которым начиная с 1994 г. меня связывают самые добрые отношения.

Между прочим, пан Кшиштоф, сам совершенно замечательный кинодраматург, как-то в середине 2000-х годов неожиданно предложил мне написать для него сценарий художественного фильма. Обычно я не берусь за работу, в своей способности выполнить которую не уверен, но тут решил поэкспериментировать и в итоге состряпал на семнадцати страницах нечто из смеси реальных событий своей жизни и самых смелых фантазий. Когда я потом спросил пана Кшиштофа о его впечатлении от этого моего дебютного произведения, то он меня заверил: «Бывают и хуже».

Пытался я популяризировать и польскую музыку — после того, как у меня установились хорошие отношения с моей любимой российской певицей Еленой Камбуровой. Между прочим, иногда для простоты я характеризую ее своим польским знакомым как русскую Демарчик (а русским, наоборот, представляю Демарчик как польскую Камбурову), но это, конечно, упрощение: они практически ровесницы и вряд ли творчество одной из них повлияло на формирование исполнительской манеры другой.

Во второй половине 90-х я давал Елене Антоновне переписывать имевшиеся у меня кассеты с записями Чеслава Немена, Яцека Качмарского и Антонины Кшиштонь, убеждая ее обязательно познакомиться с такой замечательной музыкой. Надо сказать, что одна вещь Кшиштонь настолько ей понравилась, что она попросила меня расшифровать для нее на слух текст этой песни. (В репертуаре Камбуровой есть несколько вещей на польском языке.) Тогда у меня как раз гостил мой самый близкий на протяжении всех 90-х друг — краковянин Богдан Ендрас, — который эту работу и выполнил.

Мне еще неоднократно приходилось нести (буквально на себе!) бремя книжного обмена между учеными обеих стран. Началось все в середине 90-х с просьб Андрея Базилевского захватывать для польского Института книги целые пачки издаваемых им переводов польской литературы. Потом, по мере укрепления моих личных связей с варшавскими и краковскими учеными, к этому стали добавляться тяжеленные тома филологических и исторических трудов. Причем в Москву мне приходится возвращаться тоже не с пустыми руками, благо научные контакты между нашими странами периодов охлаждения не знают.

Уже в 2000-е довелось мне и быть объектом съемок польских фотохудожников (проект «Я рядовой русский»), и стать автором колонок для ведущей польской газеты. Тогда же я нашел в Варшаве и свою последнюю на данный момент большую любовь.

Охотно выступал я и в роли бесплатного говорящего по-польски гида по Старой Москве — преимущественно для гостивших в столице родственников аккредитованных здесь моих друзей — польских корреспондентов, но однажды и для краковского профессора Александра Фьюта. Со временем я даже разработал для них специфический маршрут — по польским местам Москвы.

Конечно, мои тесные отношения с Польшей и поляками установились в 90-е годы и развились в 2000-е, однако это стало следствием того, что возникновение у меня потребности в них совпало с началом «перестройки».

4: ИЗВЕСТНЫЙ, ПОЗАБЫТЫЙ

В одном из своих мемуарных очерков Алексей Пятковский вспоминает, как он слушал песни Эвы Демарчик, и в какой восторг привела его песня «Имя твое». Автор прислал свой текст к нам в редакцию как раз, когда я заканчивал частное литературное расследование, посвященное польскому переводу «Стихов к Блоку» Марины Цветаевой. А текст песни «Имя твое» стал, по сути, удачной компиляцией этих трех стихотворений. Переводы перед вами. Жирным шрифтом обозначены фрагменты, которые и стали песней.

Marina Cwietajewa

Z Wierszy do B/oka

I

Imie tve - ptaszyna w reku,

Imie tve - sopelek w reku.

Jedno jedyne ust poruszenie,

Piec liter - imie tve - drgnienie,

Pi/eczka w biegu schwytan

Srebrna pieśn dawno s/yszana.

Kamie**n**, rzucony w cicha g/lebine

Wysz/ocha pluskiem tve imie.

W sl

Huczy tve imie, jak pieśn w szeregu,

I zagra nam je w skron

Sucho trzeszczaca bron.

Imie tve, ach - czyz mozna!

Imie tve - pocaunek w oczy, z ostro**z**na,

W malenkie, g/losno bijace serce...

Imie tve - pocaunek w sniegu kobierce...

Zrodlane, lodowate, b/lekitne potoki...

Z twoim imieniem sen gleboki...

III

Idziesz w strone zachodu s/lonca,

Zachodnie masz swiat/la przed soba.

Idziesz w strone zachodu s/lonca,

Zadyma s/lad zamiata za toba.

Beznamietyn - za mym oknem, ca/ly w zorzy,

Po sniegu idziesz, ktory kroki gluszy,

Cudowny zeslanniku bozy,

Swiat/osci cicha mojej duszy.

Na dusze twoja nie nastaje

I nic ze mnie na twoj drodze nie stanie.

Reki, ktora przezroczysta sie zdaje,

Nowym gwozdziem nie zranie.

I po imieniu nie zawo/

I rak nie wyciagne ku twoj stronie,

Przed swietoscia woskowego czo/

Tylko z daleka sie poklonie.

Pod powolnym sniegiem stojac,

Klekne w zapatrzaniu pokornym

I w najswietsze imie twoje

Ucaluje snieg wieczorny.

W owym miejscu, po którym wyniosle

Ty przyszedles w ciszy smiertelnej,

Swiatlosci cicha - bozy posle -

Mej duszy wladco niepodzielny.

V

W mojej Moskwie - goreja kopuły.

W mojej Moskwie - dzwony glos rozsnuły,

I grobowcow stoi szereg nieczuły -

W nich cary drzemia i caryce.

I nic nie wiesz, ze na Kremlu o zorzy

Lzej oddychac niz na całej ziemi bozej,

I nic nie wiesz, ze sie modle do zorzy -

Do ciebie sie modle, bialolicy.

I przechodzisz nad swa Newa daleka

O tej porze, gdy nad Moskwa-rzeka

Stoje z glowa pochylona nad rzeka,

A latarnie slepna na ulicy.

Kocham ciebie calonocnym czuwaniem

I wsłuchuje sie w ciebie tym czuwaniem,

W tej godzinie, gdy na Kremlu przed switaniem

Budza sie ze snu dzwonnicy.

Lecz nie spotka moja rzeka - twojej rzeki,

Lecz nie spotka moja reka - twojej reki...

Radosc moja tak dluga z laski bozej,

Poki zorza nie dogoni zorzy.

Przekład: Salomea Galewska (I), Wacław Denhoff-Czarnocki (III, V)

Марина Цветаева

Из «Стихов к Блоку»

I

**Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке,
Одно единственное движенье губ,
Имя твое — пять букв.**

**Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.**

В легком щелканье ночных копыт

Громкое имя твое гремит.

И назовет его нам в висок

Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —

Имя твое — поцелуй в глаза,

В нежную стужу недвижных век,

Имя твое — поцелуй в снег.

Ключевой, ледяной, голубой глоток.

С именем твоим — сон глубок.

III

Ты проходишь на Запад Солнца,

Ты увидишь вечерний свет,

Ты проходишь на Запад Солнца,

И метель замечает след.

Мимо окон моих — бесстрастный —

Ты пройдешь в снеговой тиши,

Божий праведник мой прекрасный,

Свете тихий моей души.

Я на душу твою — не зарюсь!

Нерушима твоя стезя.

В руку, бледную от лобзаний,

Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,

И руками не потянусь.

Восковому святому лику

Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,

Опущусь на колени в снег,

И во имя твое святое,

Поцелую вечерний снег. —

Там, где поступью величавой

Ты прошел в гробовой тиши,

Свете тихий — святых славы —

Вседержитель моей души.

V

У меня в Москве — купола горят!

У меня в Москве — колокола звонят!

И гробницы в ряд у меня стоят, —

В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле

Легче дышится — чем на всей земле!

И не знаешь ты, что зарей в Кремле

Я молюсь тебе — до зари!

И проходишь ты над своей Невой

О ту пору, как над рекой-Москвой

Я стою с опущенной головой,

И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,

Всей бессонницей я тебе внемлю —

О ту пору, как по всему Кремлю

Просыпаются звонари...

Но моя река — да с твоей рекой,

Но моя рука — да с твоей рукой

Не сойдутся. **Радость моя, доколь**

Не догонит заря — зари.

О Саломее Галевской я знаю только, что она перевела для сборника «Новая русская поэзия» еще и стихи Александра Блока, Василия Каменского, Ивана Рукавишников и Ильи Эренбурга. А вот Вацлав Денхофф-Чарноцкий — фигура очень колоритная.

Он родился в 1894 году в Варшаве, в семье торговца, здесь же закончил гимназию. Начал изучать медицину в Лозанне, но потом вернулся в Варшаву, где участвовал в деятельности тайных молодежных организаций, в частности, был членом Стрелецкого союза. Кроме того, Денхофф-Чарноцкий стал одним из основателей существующего по сей день варшавского спортивного клуба «Полония» — тоже в конспирации. Во время Первой мировой войны сражался в польских легионах и активно участвовал в деятельности Польской военной организации: был комендантом школы курсантов, начальником двух округов, а затем и начальником отдела пропаганды этой подпольной военизированной структуры. Во время польско-советского конфликта возглавлял разведотдел (так называемый «отдел II») литовско-белорусского фронта, организовывал диверсии в тылу противника. Четырежды был награжден крестом «За храбрость». Сражался на стороне силезских повстанцев. В 20-х годах Денхофф-Чарноцкий часто посещал Закопане, где лечился от туберкулеза, что не мешало ему самозабвенно заниматься альпинизмом. Тогда же он женился, у него родилась дочь.

В 1925 году он возглавил редакцию спортивного еженедельника «Стадион» и оказался превосходным журналистом. Умер Денхофф-Чарноцкий в 1927 году. Любопытно, что болельщики варшавской «Полонии» помнят о нем, а недавно в интернете появилась статья о Денхоффе-Чарноцком, подписанная «ойо». Этот самый «ойо», также будучи болельщиком «Полонии», дотошно изучил биографию основателя клуба и даже разыскал в Быдгоще его могилу. И так долго оставлял на могиле записки, что в итоге познакомился с семьей покойного.

Денхофф-Чарноцкий очаровывал и увлекал всех, кто близко знал его или хотя бы имел возможность познакомиться с биографией этого незаурядного человека. «А всё потому, — с восторгом пишет его друг, Виктор Юноша, — что Денхофф-Чарноцкий был великим поэтом жизни, живой поэмой; он излучал солнечное обаяние, и этого тепла хватало любому, кто бы к нему ни приближался»